

М.; Л., 1935. Т. 5. С. 168—170. Этот, на первый взгляд, сугубо догматический вопрос приобрел политическую остроту во второй половине XII в., вызвав распри во Владимирском и Киевском княжествах. Политическая подоплека этих споров представляется до сих пор не вполне ясной, здесь можно лишь отметить, что суздальский епископ Феодор отставал точку зрения, сформулированную ранее Феодосием Печерским и содержащуюся в первой части ЗИСД. В то же время «Константин, митрополит Киевский, запретил игумена Поликарпа Печерского про господские праздники, не веляще ему ясти мяс в среду и в пяток» (см.: ПСРЛ. Т. 15. С. 241).

³² Летописный рассказ «Повести временных лет» об отношении митрополита Георгия к канонизируемым Борису и Глебу. Чудеса, случившиеся в церкви в момент канонизации, внушили митрополиту ужас: «Бе бо нетвердь вероу к нима; и упадъ ниць, прося прощенья» (ПСРЛ. Т. 1. С. 177).

Этот эпизод дал основание М. Д. Приселкову говорить о прогреческой ориентации митрополита Георгия (см.: **Приселков М. Д.** Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI—XII вв. СПб., 1913). Впрочем, поведение митрополита могло объясняться церковной традицией сомневаться в подлинности святого в момент канонизации (см.: **Алешковский М. Х.** Повесть временных лет. М., 1970. С. 85).

³³ МИДПД. С. 316.

³⁴ Там же. С. 115.

³⁵ Там же. С. 117.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Там же. С. 125.

³⁸ Там же. С. 116.

³⁹ Там же. С. 116—117.

⁴⁰ Там же. С. 117.

⁴¹ См.: ЗИСД. Ст. 8, 43, 64, 108.

⁴² МИДПД. С. 119.

⁴³ Там же. С. 125.

⁴⁴ Там же. С. 130.

⁴⁵ Там же. С. 123.

⁴⁶ **Еремин И. П.** Литературное наследие Феодосия Печерского. С. 170.

⁴⁷ МИДПД. С. 122.

⁴⁸ Там же. С. 121—122.

⁴⁹ Там же. С. 125.

В. А. ТОМСИНОВ
Гродненский университет

К ВОПРОСУ О РОЛИ РИМСКОГО ПРАВА И ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XI—XIII вв.

В последнее время в работах, посвященных западноевропейскому феодализму, все чаще высказывается мысль о том, что одной из его основных особенностей была повышенная роль права в общественной жизни. Так, А. Я. Гуревич пишет, что «высокая оценка права в средневековой Европе, выработанная задолго до того, как в недрах феодализма созрели буржуазные отношения, требовавшие определенных правовых гарантий частной собственности и свободной личности; такая оценка права отнюдь не характерна для других средневековых цивилизаций,

которые в не меньшей (если не в большей) степени, чем европейская, характеризовались традиционализмом, нормативностью и господством религии»¹. По словам Э. В. Соловьева, «особенностью западноевропейского феодализма было достаточно широкое правовое регулирование межсословных отношений и действенный монархический власти»². Мысль о повышенной роли правовых форм в функционировании феодального общества Западной Европы является общепризнанной в современной буржуазной литературе. «Не будет никаким преувеличением сказать,— пишет В. Уллманн,— что право ни в какое другое время не играло такой центральной роли в обществе, как в средние века»³.

Для объяснения отмеченной особенности западноевропейского феодализма выдвигаются различные точки зрения. По мнению А. Я. Гуревича, роль права в феодальном обществе является огромной главным образом потому, что «классовые различия не выступают здесь в чистом виде, сословные признаки определяют общественное положение людей. Вес человека зависит в первую очередь не от его имущественного состояния, а от того, какими правами он обладает». С другой стороны, «роль юридических отношений еще более возрастала вследствие высокой ритуализированности общественной практики людей средневековья»⁴. Известно, что сословность и ритуализированность общественной жизни присущи не только западноевропейскому, но и восточному средневековью. Более того, на Востоке социальный статус и следование ритуалам имели даже большее значение, нежели на Западе. Не случайно содержание господствовавших в восточных странах в эпоху средневековья идеологий буквально пронизывалось культом ритуала и сословности. Следовательно, указание на определяющее значение сословных признаков и на высокую ритуализированность общественной практики людей средневековья совершенно не дает объяснения, почему для средневековой Европы была характерна высокая оценка права, несвойственная другим средневековым цивилизациям. Признавая повышенную роль права в общественной жизни в качестве особенности западноевропейского феодализма, А. Я. Гуревич, тем не менее, ищет ее причину не в специфических чертах этого варианта феодального строя, а в сущности феодализма вообще.

В. Уллманн повышенное значение права в феодальном западноевропейском обществе объясняет тем, что в условиях неграмотности широких слоев населения оно становилось наиболее важным и доступным носителем идеологической информации. По его словам, «право в средние века — это один из необходимых каналов распространения правительственных принципов и идеологии»⁵. В данном объяснении нетрудно усмотреть некоторый налет идеализма, а также безусловную односторонность. Право в феодальном обществе действительно выполняло функцию проводника той или иной идеологии, но она была да-

леко не единственной и тем более не главной, и естественно, не могла придавать праву то повышенное значение, какое оно имело на практике.

Для решения рассматриваемой проблемы особое значение имеет исследование общественных процессов, протекавших в Западной Европе в XI—XIII вв. Именно в этот период впервые предельно ярко проявилась специфика западноевропейского феодализма. И именно в обстановке перемен XI—XIII вв. в феодальном обществе Западной Европы впервые во всем своем значении, во всей многоликости проявился такой фактор общественного развития, как право.

Нельзя сказать, что прежде право не играло никакой роли в средневековом европейском обществе: факты показывают, что раннее средневековье было помимо прочего эпохой достаточно интенсивного правового развития. Но тем не менее по-настоящему заметной роль права в общественной жизни Западной Европы стала лишь начиная с рассматриваемого времени. И самым главным фактом здесь является то, что в XI—XIII вв. право впервые в истории средневековой Европы стало систематически изучаться. Западноевропейские исследователи данному факту придают нередко настолько большое значение, что видят в нем чуть ли не основное отличие общественной жизни указанного периода от общественной жизни предыдущей эпохи. Е. Канторович, например, пишет по этому поводу: «Что несомненно отличало общественную сферу XII столетия от предшествующих столетий, так это явное существование теоретической юриспруденции»⁶. «Никто не сомневается,— утверждает Ж. Ла Брас,— что интеллектуальный взрыв XII и XIII веков состоит, в основном, в зарождении правоведения и схоластики»⁷.

Твердо установленным в настоящее время является тот факт, что со времен Римской империи в Западной Европе никогда не прекращалось действие и изучение римского права, пусть и в ограниченных формах⁸. Действие римского права носило преимущественно персональный характер, его нормы применялись, как правило, лишь в отношении римского населения. Изучение его не было специальным. В течение всего раннего средневековья в Западной Европе существовали так называемые «школы гуманитарных наук», в которых преподавались грамматика, риторика, диалектика и т. п. При той специфике, какую имели названные предметы, неизбежно должно было происходить параллельное изучение права. Так, риторика делилась на три части: доказательная, совещательная, судебная. Грамматика охватывала не только технические правила собственно грамматики, но также изучение и толкование древнеримских текстов. Многие из последних содержали различные сведения или размышления о римском праве. Важным обстоятельством было то, что изучение грамматики и риторики преследовало более практические, нежели чисто научные цели. По словам Г. Рашдала,

«в Италии эти предметы изучались скорее с целью выработки навыков составления юридических документов и подготовки к работе в качестве нотариуса и адвоката... Даже логика рассматривалась скорее в качестве средства развития остроты ума для словесных баталий в суде, чем в качестве ключа к тайнам теологии»⁹.

В свете подобных фактов становится очевидным, что применительно к западноевропейскому обществу XI—XIII вв. нельзя говорить о «возрождении» изучения римского права, как это часто делается в литературе¹⁰. Но, с другой стороны, не может быть речи и о простом его продолжении. Факты показывают, что преподавание римского права в XI—XIII вв. стало не только более интенсивным, но качественно иным. Этот качественный скачок был непосредственно связан с постановкой изучения римского права на прочную базу анализа всех основных его источников, получивших позднее общее название «свод гражданского права». В одном из документов начала XII в. мы находим следующее свидетельство: «Также в те времена господин Ирнерий, по просьбе графини Матильды, восстановил книги законов, которые долгое время находились в полном пренебрежении и не изучались. И в соответствии с той манерой, в которой они были составлены божественной памяти императором Юстинианом, он привел их в порядок и разделил на части, даже вставив кое-где немногие собственные слова»¹¹. Отдельные части Юстинианова свода римского права (в особенности Институции) использовались в преподавании и в предшествующий период. Новым в XI—XIII вв. было то, что изучение римского права впервые стало базироваться на анализе полного текста Дигест — источника, который по единодушному признанию специалистов в наиболее адекватной степени отражает стиль юридического мышления древних римлян. Значение такого нововведения заключалось в том, что отныне преподаванию права придавался более строгий, систематический характер. Одновременно оно становилось более специализированным, «профессиональным преподаванием для специального класса профессиональных студентов»¹².

Качественная перестройка процесса изучения римского права в XI—XIII вв. сопровождалась резким возрастанием интереса к юриспруденции. За сравнительно короткий период специальное преподавание римского права выходит за пределы Италии и распространяется в других европейских странах, в том числе и отдаленной Англии¹³. Повсеместно возникают университеты. Небывало широкую популярность получает преподавание права в Болонской школе, ставшей вследствие этого крупнейшим европейским университетом. Для изучения римского права в Болонью съезжаются студенты со всей Европы. По подсчетам швейцарского исследователя С. Стеллинга-Мишо, в 1269 г. здесь насчитывалось более тысячи иностранных студентов¹⁴.

При объяснении столь быстрого распространения римского права в литературе часто рисуется довольно идеализированная картина. Вот что пишет, например, видный русский историк права С. А. Муромцев: «Юристы Болоњи в своем бескорыстном и совершенно искреннем увлечении творениями римских юристов отшатнулись от всякого самобытного творчества и единственной целью своей школьной и литературной деятельности поставили усвоение римских источников в их чистом виде; до сих пор римское право интересовало юриста, главным образом, как элемент практической жизни, теперь же оно представило цену **само по себе**, как высший идеал, как «писанный разум» — без отношения к его практической применимости»¹⁵. С таким воззрением С. А. Муромцева всецело соглашается советский исследователь А. И. Косарев. По его словам, «в Италию ехали для того, чтобы познать право из «единственно чистого источника»¹⁶. Близок к подобному взгляду также голландский ученый Р. Кэнегем, который пишет, что «было бы неправильным рассматривать возрождение римского права как прямой ответ на практические потребности общества и его управителей: его корни и первые устремления были слишком академическими и схоластическими»¹⁷. В другом месте, касаясь причин «необыкновенного успеха средневекового римского права», Р. Кэнегем прямо констатирует: «Это, конечно, внутренне присущее и явное превосходство римского права. Каждый, кто жаждал руководствоваться в юридическом мышлении точными законами, логичной доктриной, изящным выражением, не мог бы сделать ничего лучшего, чем взять в руки «Корпус»¹⁸.

На наш взгляд, исследователи, решающие вопрос о причинах распространения римского права в Западной Европе в XI—XIII вв. преимущественно с позиции качеств этого права, упускают из виду ряд важнейших фактов. Прежде всего, заметим, что отношение к римскому праву как к праву, отличающемуся внутренним совершенством, высшей точностью формулировок, предельной стройностью и гармоничностью системы и т. п., трактовка его в качестве «писанного разума» возникли не в рассматриваемый период, а много позднее. И это не случайно. В действительности право древнего Рима являлось казуистическим правом, не отличалось общими принципами — концептуализмом, не имело строгой классификации, стройной и гармоничной системы, — т. е. всеми достоинствами, которые ему обыкновенно приписываются. Более того, реальное состояние доставшегося в наследство средневековому западноевропейскому обществу римского права было таким, что если кто-либо желал найти в нем недостатки, то находил их именно в особенностях классификации, характере системы. Жалобы на запутанность римского права были весьма распространены среди древнеримских писателей. Названные же достоинства были приданы римскому праву лишь средневековыми юристами в процессе длительной и кропотливой

обработки его содержания. В XI—XIII вв. эта обработка только начиналась. И тем не менее римское право для того времени и тогдашних условий на удивление быстро сделалось авторитетным, а его изучение приобрело сравнительно широкий размах. Это обстоятельство само по себе уже заставляет думать, что здесь сыграли свою роль значительно более серьезные факторы, чем внутренние качества римского права.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что быстрый рост авторитета римского права в западноевропейском обществе XI—XIII вв. происходил в обстановке ускоренного экономического развития, вызванного изменениями в технологии и способах ведения земледелия¹⁹. За 1050—1150 гг. численность населения Западной Европы удвоилась. В условиях значительной активизации торговли выросло множество новых городов; горожане стали мощной социальной силой.

Одновременно с указанными процессами совершались качественные изменения в собственно феодальных структурах. В системе отношений вассалитета — сюзеренитета упала роль так называемых личных связей, на передний план выдвинулись связи экономические²⁰.

Полное совпадение по времени перемен в правовой сфере жизни западноевропейского общества с социально-экономическими изменениями уже само по себе наводит на мысль об их причинно-следственной связи. Немаловажным здесь является и тот факт, что впервые римское право приобрело широкий авторитет и стало изучаться на качественно новом уровне как раз там, где ранее и интенсивнее всего начали происходить вышеуказанные экономические процессы, т. е. в Италии. Специалисты отмечают выгодное географическое положение Болоньи на пересечении торговых коммуникаций²¹. Центр новой правовой жизни средневековой Европы возник, таким образом, в самом центре ее новой экономической жизни.

Исследователи, признающие наличие причинно-следственной связи рецепции римского права в XI—XIII вв. с тогдашним социально-экономическим развитием, как правило, понимают ее слишком упрощенно. В литературе почему-то считается, что в данном случае непременно должно было иметь место непосредственное применение римских правовых норм для юридического оформления экономических связей. «Римские тексты,— пишет американский исследователь Г. Берман,— содержали набор в высшей степени утонченных норм для оформления контрактов различных типов, включая заем, залог, продажу, аренду, товарищество и мандат (форма посредничества)»²². Отсюда предположительный вывод, что «ученые романисты в европейских университетах конца XI, XII и XIII вв. могли создать из римских текстов новый свод торгового права, точно так же, как ими был создан из этих текстов новый свод гражданского права»²³.

Подобный взгляд встречается и в работах западногерманско-

го ученого Ф. Виакера. Касаясь причин «возрождения» в XII в. изучения римского права, он пишет, что «в северной Италии был дан толчок экономическому развитию. Это развитие требовало рационализации юридического общения и юридических споров, которая могла совершиться с помощью норм, обработанных посредством специальной систематизации»²⁴. Такое мнение, однако, ни на чем не основано, кроме как на соответствующей оценке самого римского права. Факты показывают, что из всех разновидностей средневекового европейского права торговое право в наименьшей степени испытывало на себе влияние римских правовых норм. Оно развивалось прежде всего в среде торговцев, имевших свои собственные организации, управленческие органы и суды. Развитие торговли требовало более или менее единообразного правового регулирования коммерческих отношений в масштабе всей Западной Европы. Это единообразие устанавливалось в значительной мере в самой практике торговых отношений, в процессе которой происходило постоянное столкновение различных обычаев и норм. В результате торговое право уже к XII в. вылилось в совокупность рациональных принципов, приобрело в некотором роде системный характер. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что производство дел в специальных торговых судах очень рано начало документироваться. С середины XI в. в Западной Европе стали регулярно появляться так называемые «торговые кодексы», первоначально представлявшие собой не что иное, как записи принятых в коммерческом обороте обычаев. С другой стороны, необходимо иметь в виду, что при том состоянии, какое римское право имело в XI—XIII вв., его нормативный материал просто не мог получить широкого применения в сфере торговых отношений. Модифицирующая концептуальная и систематизирующая обработка римского права в рассматриваемое время только разворачивалась. Поэтому его содержание всецело сохраняло еще свой древний казуистический характер, не имело четкой классификации и системы. В нем, в частности, не проводилось различия между коммерческими и некоммерческими сделками. Вследствие всего этого римское право использовалось не в качестве резервуара необходимых правовых норм, а исключительно как источник аргументов.

На наш взгляд, исследователи, стремящиеся объяснить феномен рецепции римского права в средневековой Европе, раскрыть подлинные его причины и, в частности, установить конкретный характер связи процесса распространения римского права с социально-экономическим развитием, часто терпят неудачу главным образом из-за того, что слишком узко понимают право вообще. Даже беглого взгляда на советскую и зарубежную литературу, посвященную рецепции, достаточно, чтобы убедиться, что история римского права в средневековой Европе пишется преимущественно с позиции понимания права вообще

как совокупности норм и принципов. Рецепция римского права трактуется при этом лишь как переработка и усвоение «нормативного и идейно-политического его содержания»²⁵. Между тем право можно рассматривать не только как совокупность норм, но и в качестве одного из способов социального управления.

Подобно традиции, обычаю, морали право призвано, в конечном счете, обеспечить стабильность социальных процессов или, говоря словами К. Маркса, «регулярность и порядок», составляющие «необходимый момент всякого способа производства, коль скоро он должен приобрести общественную устойчивость и независимость от простого случая и произвола»²⁶. Имея общую основную функцию, указанные нормативные регуляторы выполняют ее по-разному. Поэтому в различных условиях эффективность традиции, морали, с одной стороны, и права, с другой, неизбежно оказывается различной. К примеру, на Востоке в эпоху древности и средневековья основную роль в стабилизации социальных процессов играли традиция, мораль, религия. Правовое же регулирование не выступало в чистом виде, а вплеталось в традиционную практику. Поскольку здесь всегда существовала повышенная потребность в сохранении стабильности общественной жизни, в социо-нормативной культуре преимущество неизбежно получали формы, которые в процессе регулирования общественных отношений не только не подрывали социальных структур, но, напротив, способствовали их упрочению. Такую задачу более эффективно могли выполнять мораль, религия, идеология, т. е. формы, нормативно-регулирующая функция которых предполагала приведение в действие социально-психологических импульсов. Благодаря этому усиливался процесс социализации индивидов, их связь с теми структурами, в рамках которых протекала их жизнедеятельность. Право, для того чтобы оно могло более или менее эффективно выполнять эту двойную задачу, также со всей необходимостью должно было получить такое развитие, при котором его нормы оказывались бы способными приводить в действие социально-психологические импульсы и тем самым повышать степень включенности каждого индивида в корпорацию. Среди различных разновидностей права наиболее соответствующим указанной задаче, а значит и характеру общественного развития стран Востока, оказывалось право традиционное. В отличие от Востока, где процветание обществ зависело прежде всего от степени их организованности и разрушение социальных структур оказывалось просто немыслимым, в Западной Европе, в силу того, что основным фактором общественного развития выступало совершенствование орудий труда, разрушение тех или иных социальных структур не только не могло иметь губительных последствий, но являлось даже необходимым условием для возникновения новых общественных отношений. В таких условиях преобладающее значение получало право как таковое. В древ-

нем Рима, к примеру, право на ранних ступенях своего развития также было тесно переплетено с традицией и религией. Однако с превращением Рима в обширную империю, возрастанием динамизма общественных процессов римское право выделилось в самостоятельное явление и получило невиданное в предшествующей истории развитие. В литературе основную причину этого усматривают лишь в бурном расцвете гражданского оборота, на самом деле причина здесь сложнее. Торговля в довольно широком масштабе развивалась и на Востоке. Особенностью Рима была не степень развитости ее, а прежде всего тот факт, что в интенсивный гражданский оборот на единой территории были втянуты представители разных племен. В этих условиях традиция и мораль теряли свою прежнюю эффективность в качестве нормативных регуляторов, поскольку могли иметь силу только среди представителей одного племени. По-настоящему эффективно обеспечивать регулирование общественных отношений можно было теперь лишь через посредство права в его чистом виде — права, предполагающего в качестве субъекта абстрактного человека.

Нечто подобное произошло и в истории Западной Европы в средние века. Вплоть до XI в. здесь полностью господствовали такие нормативные регуляторы, как традиция, обычай, мораль. Право было неразрывно связано с традицией и имело персональное действие. При таких обстоятельствах не могло возникнуть и «не возникало представления о праве как явлении, обособленном от людей, или как об абстракции. Поэтому не было «права вообще»²⁷. Время от времени королевская власть издавала правовые предписания, распространявшиеся на всех подданных, независимо от их племенной принадлежности. Но подобного рода предписания не имели под собой прочной основы, поэтому издание их было эпизодическим и, соответственно, не могло привести к возникновению территориального права, права в чистом виде.

Впервые настоятельная потребность собственно в праве возникла в Западной Европе приблизительно в XI в. И породило ее прежде всего экономическое развитие. В процессе распространения торговли в гражданский оборот все больше втягивались представители разных народностей. Вырастающее из практики коммерческих отношений торговое право было по существу первой в средневековой Европе системой «абстрактного права». Но эта система была призвана обслуживать лишь одну конкретную сферу западноевропейского общества. Между тем общий экономический прогресс, придававший общественной жизни большой динамизм, резкое увеличение численности населения, серьезные перемены в содержании феодальных отношений, которые можно определить в целом как падение роли различных связей и выдвигание на передний план связей имущественного характера, подрывали силу традиций и моральных уста-

новок, создавали потребность в чисто правовом регулировании (в праве как таковом) и во всех других сферах.

Ответом на данную потребность явилось изучение римского права. Его распространение в Европе в XI—XIII вв. означало в самом общем плане утверждение в обществе нового способа социального управления. Характеризуя болонских глоссаторов, Ф. Виакер особо отмечает то обстоятельство, что они «стали первыми европейскими юристами в самом строгом смысле. Они не рассматривали социальные конфликты лишь в пределах рамок принятых традиций или предписаний моральной идеологии. Вместо этого они рассматривали социальные конфликты, **разбирая** каждый случай как самостоятельную юридическую проблему, что до сих пор делали только римские юристы»²⁸.

Удовлетворять вышеотмеченной практической потребности право древнего Рима могло прежде всего потому, что выступало, используя терминологию К. Маркса, как «абстрактное право», «право абстрактной личности»²⁹. Вместе с тем важное значение здесь имело и то, что для средневекового общества оно было чужим правом, привнесенным не просто из другой социальной системы, но системы, погибшей несколько веков назад и, самое главное, отличающейся по типу общественного строя. Свое собственное, действовавшее в раннее средневековье право было в Западной Европе слишком привязано к традиционным социальным структурам, здесь существовавшим, чтобы стать фактором развития новых тенденций в общественной жизни. В этом, возможно, стоит разгадка всех периодически происходящих в истории мировой культуры рецепций духовных ценностей, миграций их из страны в страну. Прочное юридическое (идеологическое) оформление новым тенденциям, зреющим в той или иной общественной системе, может дать лишь право (идеология), сложившееся за пределами этой системы и поэтому в высшей степени свободное от существующих в ней старых порядков. Очевидно, что в наибольшей мере указанная закономерность должна проявляться при особо радикальных и быстрых общественных переменах, при коренном перевороте в обществе. XI—XIII вв. в истории Западной Европы как раз и составляли эпоху коренного общественного переворота. С этой точки зрения нет ничего удивительного в том, что римское право, будучи «чужим» для средневекового европейского общества, тем не менее очень быстро приобрело в нем авторитет и получило широкое распространение. Только оно могло по-настоящему ускорить утверждение в Западной Европе права как самостоятельного явления, как особого способа социального управления, стабилизации социальных процессов.

При таком подходе к рецепции римского права в XI—XIII вв. становится объяснимым ее теоретический характер — та причина, по которой на передний план выдвинулось в это время изучение римских правовых текстов. В литературе значение

«теоретической рецепции» усматривается обыкновенно лишь в том, что в процессе изучения свода Юстиниана римское право модифицировалось и приспособлялось к общественным условиям средневековой Европы, что облегчало применение его норм на практике. По нашему мнению, подлинный смысл изучения римского права можно установить не с точки зрения последующей судьбы его в Западной Европе, но прежде всего с учетом его состояния в предшествующую эпоху. Важнейшим обстоятельством для нас является в данном случае то, что римское право в указанную эпоху имело персональное действие. Римские правовые тексты если и обладали тогда каким-либо авторитетом, то весьма ограниченным. Одним из основных последствий широко развернувшегося в XI—XIII вв. изучения римского права являлось то, что текстам был придан невиданный прежде авторитет. Отныне только правила, содержащиеся в нем, рассматривались в качестве правовых норм.

Это выдвижение на передний план изучения текста, безусловно, делало процесс рецепции римского права чрезмерно академическим и схоластическим. Но именно в этом и заключался главный смысл. Привязанное к тексту римское право приобретало самостоятельное, независимое от конкретных социальных общностей и их традиций бытие и, таким образом, восстанавливалось в качестве универсального права — права абстрактного лица. Вот почему можно сказать, что «наука Болоньи была не развитием национального итальянского права, но самой ранней ступенью в эволюции всей европейской юридической науки»³⁰. Во многом благодаря именно своему качеству права абстрактного лица римское право получило практическое значение в жизни западноевропейского общества XI—XIII вв. Не случайно впервые практическая роль римского права с наибольшей силой проявилась как раз в той сфере, где раньше и интенсивнее всего произошла ломка локальных структур и формирование универсальной организации — в сфере западноевропейской христианской церкви.

В течение раннего средневековья церковь неуклонно усиливала свою экономическую мощь. В результате к XI в. она превратилась в крупнейшего в Европе землевладельца, в распоряжении которого была сосредоточена почти 1/3 всех земельных владений. При этом церковь не отличалась единством, ее организация имела фактически раздробленный характер. Власть главы церкви — римского папы — над духовенством на местах была чисто номинальной. Введение в сан епископа и аббата осуществлялось светскими властями — королями или герцогами. На практике широко распространилась продажа должности священника, приводившая к тому, что епископами и аббатами становились зачастую невежественные и неграмотные люди. Авторитет церкви среди населения все более падал. В XI в. вызванная экономическим развитием всеобщая дестабилизация,

дезинтеграция прежних общественных связей стала серьезно подрывать сложившиеся в предшествующую эпоху формы влияния церкви на население. Такое положение создавало непосредственную угрозу экономическим позициям церкви. Особенно ощутимым это сделалось начиная со второй половины XI в. Среди духовенства развернулось движение за реформу церковной организации. Основное содержание реформы диктовалось общественными условиями, в которых сохранить свою экономическую мощь, упрочить влияние в обществе могла лишь организация, построенная на принципах строгого единовластия, жесткой иерархии и универсализма. Церковь должна была превратиться «из чисто феодальной в универсально-абсолютистскую организацию»³¹. Перестройка церкви, усиление власти ее главы и создание жесткой иерархии, включающей в себя католическое духовенство всей Западной Европы, происходят в XI—XII вв. Эти процессы не просто совпадали по времени с рецепцией римского права, но были одним из сильнейших ее стимулов.

При общности основных интересов духовенство было довольно неоднородной и внутренне противоречивой социальной группой даже в пределах одной страны. Эта неоднородность и внутренняя противоречивость еще более выростали в масштабе Западной Европы в целом. Для того, чтобы превратить западноевропейское духовенство в прочную единую организацию, подчинить его контролю главы церкви, требовалось, следовательно, весьма гибкое и в то же время в полной мере соответствующее универсальному характеру самой организации средство управления. Таким средством управления могло стать лишь право, не связанное ни с какой конкретной общностью и традицией — право, в центре которого стоял бы абстрактный человек. Не случайно именно со второй половины XI в. в среде духовенства распространяется выдвинутый Ансельмом лозунг, согласно которому античный универсализм может быть восстановлен не оружием, а древним правом.

Само по себе обращение к римскому праву не составляло новой тенденции в политике церковных властей. Начальная история христианской церкви была, как известно, связана с историей древнего Рима. «Будучи включенной в римское общество, церковь не могла игнорировать право»³². В эпоху раннего средневековья связь церкви с римским правом выражалась принципом «духовенство живет по римским законам». Школы, где наряду с различными предметами изучалось римское право, находились под особым покровительством церкви. Уже во времена Римской империи, а затем и в раннее средневековье наблюдается отчетливо выраженная склонность христианских идеологов к юридизации основных теологических постулатов. Так, еще Тертуллиан «облекал религиозные идеи в юридические формы и формировал в свое время (на рубеже II—III вв.) эмбрио-

ническую христианскую доктрину посредством римского права»³³. Общую картину в данном случае хорошо выражают слова Г. Мэна: «Но лишь только западные провинции, выйдя из-под греческого влияния, вздумали создать свою собственную теологию, то эта теология оказалась пропитанной формальными юридическими идеями и построенной на юридической фразеологии. Не подлежит сомнению, что эта юридическая подкладка легла глубоко в основу западной теологии»³⁴.

Начиная со второй половины XI в. происходит юридизация церковной организационной структуры. Использование римского права христианской церковью делается значительно более широким, приобретает новые формы. Его материал, прежде использовавшийся главным образом для формирования теологии, становится «существенным фактором развития канонической юриспруденции XII и XIII столетий»³⁵, кладется в основу системы канонического права.

Важным стимулом рецепции римского права в XI—XIII вв. явились процессы в сфере организации светской власти. Дж. Стрэйер характеризует их термином «бюрократизация феодализма»³⁶. Думается, этот термин вполне здесь применим, но с соответствующими оговорками. Суть изменений в политической жизни феодального западноевропейского общества рассматриваемого периода заключалась не в том, что возникал бюрократический аппарат как таковой — он стал атрибутом лишь позднего феодализма. Под «бюрократизацией феодализма», если допустимо употреблять указанный термин, необходимо понимать лишь организационную перестройку светских управленческих структур, ставшую неизбежной в результате экономического развития Западной Европы и соответствующих перемен в феодальных отношениях. Если прежде короли и герцоги при осуществлении управления опирались преимущественно на своих вассалов, то, начиная с XI в., они все более опираются на чисто должностных лиц (чиновников) — светская власть превращается таким образом в публичную, территориальную. Данная перестройка светских управленческих структур в общих чертах походила на организационные преобразования, совершавшиеся в XI—XIII вв. в рамках христианской церкви. Подобно им она влекла за собой юридизацию управления.

Наиболее подготовленными для работы в новых системах управления, распространявшихся в Западной Европе в рассматриваемый период, были юристы. В литературе часто приводятся сведения о приглашении королями к себе на службу видных юристов того времени. Для работы в качестве судьи в королевском аппарате управления приглашался даже ведущий преподаватель Болоньской школы Ирнерий³⁷. Заинтересованность в юридически образованных должностных лицах проявляли не только короли, но и герцоги. Герцог Бургундии основал в последней четверти XI в. специальное учебное заведение для под-

готовки юристов³⁸. Первоначально юридическими познаниями и навыками работы с документами обладали, как правило, лишь клерикалы. Но с XII в. на службе у королей и герцогов стали появляться наряду с ними и светские юристы, знавшие римское право. М. Вебер объясняет их появление тем, что усвоение римского права способствовало выработке формально-юридического мышления, необходимого для успешной деятельности в аппарате управления. Соответственно «изучившие это право чиновники в отношении техники управления заняли первое место»³⁹. Данный факт во многом объясняет ту поддержку, которую короли и герцоги оказывали университетам, где изучалось римское право. Вместе с тем понятной становится популярность, какую необыкновенно быстро в рассматриваемый период приобрело изучение римского права в западноевропейском обществе. Получение юридического образования давало возможность быстро сделать карьеру даже тем, кто не имел знатного происхождения.

Таким образом, приведенные факты еще раз заставляют обратить внимание на то, что практическое значение римского права в XI—XIII вв. заключалось преимущественно не в пригодности его норм для регулирования новых общественных отношений, а в свойствах его как права в целом. Исследователи, приписывающие изучению римского права в этот период лишь сугубо теоретическое значение, не учитывают того, что оно служило базой для соответствующей подготовки практических работников формировавшихся в то время новых церковных и светских систем управления. И практическая роль изучения римского права в XI—XIII вв. не исчерпывалась вышеотмеченным.

Формирование новых церковных и светских управленческих структур сопровождалось резким обострением политической борьбы внутри каждой из них, а также между ними. Особенно острым стало столкновение светских и церковных властей. В современной буржуазной литературе развернувшаяся в рассматриваемый период борьба между папством и королями нередко определяется как «папская революция». Впервые эта идея была высказана Е. Розенштоком-Гуесси в 1931 г. в книге «Европейские революции»⁴⁰. В последнее время серьезную попытку развития и обоснования идеи «папской революции» предпринял Г. Берман⁴¹.

На наш взгляд, ученые, которые определяют борьбу между светской и церковной властями в качестве «революции», не учитывают в должной мере тот факт, что при всей своей остроте борьба эта протекала внутри единого классового механизма, призванного господствовать в западноевропейском обществе в средние века. Между собой боролись силы, нуждавшиеся одна в другой. В частности, значение церкви для светских властей заключалось в том, что она выступала «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего фео-

дального строя»⁴². Борьба между такими сторонами неизбежно должна была завершиться компромиссом, что и произошло в действительности.

Факты борьбы, которая происходила в западноевропейском обществе внутри господствующей классовой организации, имеют особое значение для решения вопроса о причинах повышения роли права в Западной Европе в средние века. Сравнение ее истории с историей Востока показывает, что одно из основных отличий западноевропейского общества заключалось как раз в повышенной остроте борьбы внутри господствующего класса. На Востоке, где в древности и средние века доминировало функциональное классовое деление, острота таких противоречий гасилась в значительной мере жесткостью должностной иерархии, составлявшей организационную основу господствующего класса. На Западе же функциональное классовое деление преобладало лишь на ранних ступенях развития классового общества (в Афинах — до реформ Солона, в Риме — до центуриатной реформы, приписываемой Сервию Туллию). Впоследствии определяющее значение в расслоении общества стал иметь имущественный фактор, в силу чего здесь внутри господствующего класса не сложилось жесткой организационной структуры, характерной для господствующих социальных групп в странах Востока. В результате для погашения остроты противоречий внутри привилегированного слоя, поддержания стабильности в нем требовалась более рациональная система нормативного регулирования, а именно: право в его чистом виде. Специфической чертой истории древнего Рима была особо острая борьба внутри привилегированного класса. И закономерно, что именно в Риме право достигло своего высшего для древности развития. Примечательно, что основное внимание римские юристы уделяли разработке не теоретических основ права, а предельно рациональных способов разрешения социальных конфликтов.

Подобным же образом и факты средневековой истории Западной Европы заставляют видеть главную причину повышенной роли, какую играло здесь право, в особой остроте противоречий и борьбе внутри господствующего класса. Одним из наиболее ярких примеров в данном случае являются события политической жизни западноевропейского общества в XI—XIII вв. и, в частности, развернувшаяся в это время борьба между папством и светскими властями. Указанный конфликт не мог быть разрешен вооруженным путем (в чем стороны быстро убедились), поэтому он довольно быстро переместился в сферу идеологии. Наиболее острые столкновения между папством и королями происходили по вопросам осуществления власти. Каждая из сторон претендовала на верховенство относительно другой, стремилась закрепить за собой инвеституру. Вследствие этого борьба между папством и королями в идеологической сфере выливалась главным образом в борьбу политических и правовых идей. Для обо-

снования их требовались аргументы. Главным источником последних для обеих сторон сделались римские правовые тексты.

Борьба церкви и светской власти, особо активно протекавшая в XI—XII вв., стала важным фактором, стимулировавшим изучение римского права. Закономерно в связи с этим, что наибольший размах изучение римского права получило как раз там, где был центр идеологической борьбы между церковной и светской властями — в Болонье. По словам Г. Рашдала, «никакие преподаватели, быть может во всей истории образования, не занимали столь высокого места в общественной оценке, какое имели первые доктора Болоньи»⁴³. Известно, что короли постоянно обращались за советами к профессорам университетов по вопросам своей борьбы с папством. Так, Фридрих Барбаросса брал консультации у учеников знаменитого Ирнерия⁴⁴. Изучение римского права и с этой точки зрения имело явное практическое значение. Его характер и направленность определялись стремлением разрешить реальные практические проблемы. Римские правовые тексты были по содержанию казуистичны, запутаны и полны противоречий. Стремление же использовать их содержание в политической борьбе заставляло глоссаторов обобщать те или иные сугубо конкретные нормы римского права и выводить из них требуемые обстановкой общие принципы. Римское право получало таким образом концептуальную обработку.

В буржуазной литературе основной причиной, по которой в Западной Европе началось изучение римского права, часто называется находка в XI в. копии Дигест. «В течение XI и XII столетий, — пишет М. Казер, — эта возрожденная наука, начало которой было положено обнаружением Дигест, преследовала чисто теоретические цели разъяснения и уяснения римского права»⁴⁵. Вышеприведенные факты позволяют дать истинную оценку указанной находке. Суть заключается здесь не только в том, что изучение римского права в XI—XIII в. приобрело практическое значение, но и в том, что в условиях совершавшихся в этот период общественных процессов по-настоящему практическое значение могла иметь преимущественно такая форма рецепции римского права, как его изучение, анализ римских правовых текстов. Лишь благодаря наличию реальных потребностей общественной жизни Западной Европы находка копии Дигест в XI в. стала важным историческим фактом.

1 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 139.

2 Философия эпохи ранних буржуазных революций. М., 1983. С. 168.

3 Ullmann W. Law and Politics in the Middle Ages. N. Y., 1975. P. 29.

4 Гуревич А. Я. Цит. соч. С. 156.

5 Ullmann W. Op. cit. P. 28.

6 Twelfth — Century Europe and the Foundations of Modern Society. Madison, 1961. P. 89.

- ⁷ **La Bras G.** L'Eglise medievale au service du droit romain // *Revue historique de droit français et étranger*. 1966. N 2. P. 193.
- ⁸ Впервые убедительно доказал этот факт знаменитый немецкий правовед **Ф. Савиньи** в первых томах своего семитомного труда по рецепции римского права в средневековой Европе. См.: **Savigny F. K.** *Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter*. Heidelberg, 1834. Bd. 1—3.
- ⁹ **Rashdal H.** *The Universities of Europe in the Middle Ages*. Oxford, 1936. Vol. 1. P. 93.
- ¹⁰ См., напр.: **Давид Р.** *Основные правовые системы современности*. М., 1967. С. 70.
- ¹¹ *Документы по истории университетов Европы XII—XV вв.* Воронеж, 1973. С. 25.
- ¹² **Rashdal H.** *Op. cit.* P. 124.
- ¹³ См. подробнее: **Томсинов В. А.** *Римское право в средневековой Англии // Античная древность и средние века: Проблемы социального развития*. Свердловск, 1985. С. 125—127.
- ¹⁴ См.: **Stelling-Michaud S.** *L'Université de Bologne*. Geneva, 1955.
- ¹⁵ **Муромцев С. А.** *Римское право в Западной Европе // Юрид. вестн.* 1885. Т. 18. Кн. 3. С. 457.
- ¹⁶ **Косарев А. И.** *Этапы рецепции римского права // Сов. государство и право*. 1983. № 7. С. 125.
- ¹⁷ **Caenegem R.** *Law in the Medieval World // Tijdschrift voor Rechtsge-schiedenis*. 1981. Vol. 49. P. 26.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 32.
- ¹⁹ См.: **White L.** *Medieval Technology and Social Change*. Oxford, 1961.
- ²⁰ См.: **Ganshof F.** *Qu'est-ce la feodalité?* Neuchâtel, 1947. P. 171; *Twelfth-Century Europe...* P. 81.
- ²¹ См.: **Rashdal H.** *Op. cit.* P. 117.
- ²² **Berman H.** *Law and Revolution: Foundation of the Western Legal Tradition*. L., 1983. P. 539.
- ²³ *Ibid.* P. 540.
- ²⁴ **Wieacker F.** *The Importance of Roman Law for Western Civilization and Western Legal Thought // Boston College International and Comparative Law Review*. Boston, 1981. Vol. 4. N 2. P. 276.
- ²⁵ **Косарев А. И.** *Цит. соч.* С. 123.
- ²⁶ **Маркс К., Энгельс Ф.** *Соч.* 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 356.
- ²⁷ **Гуревич А. Я.** *Цит. соч.* С. 158.
- ²⁸ **Wieacker F.** *Op. cit.* P. 276.
- ²⁹ **Маркс К., Энгельс Ф.** *Соч.* 2-е изд. Т. 1. С. 347.
- ³⁰ **Wieacker F.** *Das römische Recht und das deutsche Rechtsbewußtsein*. Leipzig, 1944. S. 37.
- ³¹ **Неусыхин А. И.** *Проблемы европейского феодализма*. М., 1974. С. 213.
- ³² **Gaudemet J.** *La formation du Droit seculier et du Droit de L'Eglise aux IV et V siecle*. Sirey, 1979. P. 217.
- ³³ **Haskins Ch.** *The Rise of Universities*. N. Y., 1923. P. 33.
- ³⁴ **Мэн Г. С.** *Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям*. СПб., 1873. С. 283.
- ³⁵ **Kuttner S.** *Methodological Problems concerning the History of Canon Law // Speculum: A Journal of Medieval Studies*. 1955. Vol. 30. N 4. P. 543.
- ³⁶ *Twelfth-Century Europe...* P. 80.
- ³⁷ См.: **Haskins Ch.** *The Renaissance of XII-th Century*. Cambridge, 1927. P. 199.
- ³⁸ См.: **Richard J.** *Les ducs de Bourgogne et la formation du duché*. P., 1954. P. 358.
- ³⁹ **Вебер М.** *История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории*. Пг., 1924. С. 215.
- ⁴⁰ Третье издание книги вышло в 1960 г. См.: **Rosenstock-Huessy E.** *Die europäischen Revolutionen*. Stuttgart, 1960.
- ⁴¹ **Berman H.** *Op. cit.*
- ⁴² **Маркс К., Энгельс Ф.** *Соч.* Т. 7. С. 360.

⁴³ Rashdal H. Op. cit. P. 125.

⁴⁴ См.: Kroeschell K. Deutsche Rechtsgeschichte. Reinbeck bei Hamburg, 1972. Bd. 1. S. 234.

⁴⁵ Kaser M. Roman Law today. Pretoria, 1965. P. 17.

Н. Д. БАРАБАНОВ
Волгоградский университет

ИЗ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭТИКИ НА РУБЕЖЕ XIII—XIV вв.

Для развития средневековой этической мысли в период зрелого феодализма было характерно противостояние и острое соперничество ригористической традиции, опиравшейся на христианские нормы¹, с философски-этическими концепциями, основанными на классических античных учениях и постепенном размывании стереотипов религиозного сознания². Сказанное вполне можно отнести к византийской этике конца XIII—начала XIV в., испытавшей влияние со стороны двух созревающих концепций—гуманистического учения о человеке и христианской доктрины деифицированного человека, борьба между которыми, как известно, достигнет наибольшей остроты в середине XIV в.³ Элементы этических учений, дававшие обоснование тем или иным моральным нормам, появляясь в это время как в трудах гуманистически настроенных ученых и государственных деятелей, так и в сочинениях церковных идеологов, владевших по традиции монополией в данной области. Обладая властью, представители высшего византийского духовенства стремились воздействовать не только на ум и чувства людей, но и на их практическое поведение, без чего немислимо было выполнение ни ценностно-ориентирующей, ни регулятивной функций морали. Как известно, основное в морали—не размышление и рассуждение, а действие, поступок⁴.

В связи с этим весьма важным представляется вопрос о том, какое направление практической деятельности людей пыталась придать церковь путем модификации или насаждения определенных моральных норм. Каковы были в этом плане методы воздействия церкви на общество, какую цель они преследовали и как соотносились с реалиями социальной жизни? Эти и некоторые другие сопутствующие вопросы в настоящей статье будут рассмотрены на основе изучения сочинений и деятельности константинопольского патриарха Афанасия I (1289—1293, 1303—1309), который из всех церковных лидеров изучаемого периода наиболее радикально пытался влиять на нравственное состояние общества.

То, что наследие патриарха дает богатые сведения по изучаемым вопросам, было замечено различными исследователями